

В. И. Покровский

Жены декабристов

**Сборник историко-бытовых
статей**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. И. Покровский**
Жены декабристов: Сборник историко-бытовых статей / В. И. Покровский –
М.: Книга по Требованию, 2017. – 306 с.

ISBN 978-5-518-00384-2

ISBN 978-5-518-00384-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

Статьи сборника „Жены декабристовъ“ имѣлось въ виду помѣстить въ только что выпущенной мною книгѣ: „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Его жизнь и сочиненія“, предпославъ ихъ оцѣнкѣ его поэмы: „Русскія Женщины“. Но такъ какъ онѣ, при особенностяхъ ихъ содержанія, своимъ объемомъ выдѣлялись бы изъ матеріала строго критическаго характера, то составитель нашель болѣе удобнымъ выпустить ихъ отдѣльно.

Съ другой стороны, составитель полагалъ, что, собранными статьями о женахъ декабристовъ, онѣ можетъ воскресить и оживить въ памяти читателей ихъ жизнь, дѣятельность и то обаяніе, какое онѣ имѣли у современниковъ, устами декабриста Александра Петровича Бѣляева въ такихъ словахъ высказавшаго свое благоговѣнное къ нимъ почитаніе: „Кто кромѣ всемогущаго Мздовоздателя, можетъ достойно воздать вамъ, чудныя ангелоподобныя существа! Слава и краса вашего пола! Слава страны, васъ произрастившей! Слава мужей, удостоившихся такой безграничной любви и такой преданности такихъ чудныхъ, идеальныхъ, жень! Вы стали, по истинѣ, образцомъ

самоотверженія, мужества, твердости, при всей юности, нѣжности и слабости вашего пола. Да будутъ незабвенны имена ваши!“

Неравномѣрность статей о женахъ декабристовъ стоитъ въ тѣсной связи съ наличностію существующаго литературно-бытового матеріала. Нѣкоторыя изъ женъ не иллюстрированы портретами за отсутствіемъ таковыхъ.

В. Покровскій.

Русскія идеальныя женщины.

Двумя главными центрами, около которых группировались иркутскіе декабристы, были семьи Трубецкихъ и Волконскихъ, такъ какъ они имѣли и средства жить шире, и обѣ хозяйки — Трубецкая и Волконская своимъ умомъ и образованіемъ, а Трубецкая — и своею необыкновенною сердечностію, были какъ бы созданы, чтобы сплотить всѣхъ товарищей въ одну дружескую колонию, а присутствіе дѣтей въ обѣихъ семьяхъ вносило еще болѣе оживленія и теплоты въ отношенія. Нельзя не пожалѣть, что такіе высокіе и цѣльные по своей нравственной силѣ типы женщинъ, какими были жены декабристовъ, не нашли до сихъ поръ ни должной оцѣнки ни своего Плутарха, потому что, если революціонная дѣятельность декабристовъ мужей, по условіямъ времени, не допускаетъ насъ относиться съ совершеннымъ объективизмомъ и историческимъ безпристрастіемъ, то ничто не мѣшаетъ признать въ ихъ женахъ такіе классическіе образцы самоотверженной любви, самопожертвованія и необычайной энергіи, какими вправѣ гордиться страна, выростившая ихъ, и которые, безъ всякаго зазора и независимо отъ всякой политической тенденціозности, могли бы служить въ женской педагогіи во многихъ отношеніяхъ идеальными примѣрами для будущихъ поколѣній. Какъ не почувствовать благоговѣйнаго изумленія и не преклониться предъ этими молоденькими и слабенькими женщинами, когда онѣ, выросшія въ холѣ и атмосферѣ столичнаго большого свѣта, покинули, часто наперекоръ совѣтамъ своихъ отцовъ и матерей, весь окру-

жающій ихъ блескъ и богатство, порвали съ своимъ прошлымъ, съ родными и дружескими связями, и бросились, какъ въ пропасть, въ далекую Сибирь съ тѣмъ, чтобы разыскать своихъ несчастныхъ мужей въ каторжныхъ рудникахъ и раздѣлить ихъ участь, полную лишений и безправія ссыльно-каторжныхъ, похоронивъ въ сибирскихъ тундрахъ свою молодость и красоту. Чтобы еще болѣе оцѣнить величину подвига Трубецкой, Волконской, Муравьевой, Нарышкиной, Энтальцевой, Юшневской, Фонвизиной, Анненковой, Ивашевой и др., надо помнить, что все это происходило въ 20-хъ годахъ, когда Сибирь представлялась издали какимъ-то мрачнымъ ледянымъ адомъ, откуда, какъ съ того свѣта, возвратъ былъ невозможенъ, и гдѣ властвовалъ произволь такихъ легендарныхъ жестокосердыхъ воеводъ, которыми были только что сошедшіе со сцены правители Пестель, Трескинъ и другіе. Некрасовъ пробовалъ было представить необычайную духовную силу, обнаруженную этими женщинами въ ихъ борьбѣ съ безчисленными препятствіями, въ двухъ поэмахъ, посвященныхъ Трубецкой и Волконской, но, при всемъ нашемъ уваженіи къ его таланту, и, несмотря на много горячихъ, истинно вдохновенныхъ строкъ, въ цѣломъ эти поэмы оставляютъ насъ неудовлетворенными и кажутся и холодными и мѣстами натянутыми, оттого ли, что самъ поэтъ въ эту пору постарѣлъ и зачерствѣлъ и недостаточно былъ проникнутъ благороднымъ сюжетомъ, или же слишкомъ онъ связанъ цензурными условіями, чтобы свободно и безыскусственно подняться до нравственной высоты вдохновившихъ его героинь и очертить ихъ болѣе натуральными красками. Несомнѣнно, однако, что при описаніи путешествій Трубецкой и Волконской, Некрасовъ пользовался многими достовѣрными источниками. Такъ, въ концѣ 50-хъ годовъ, въ Иркутскѣ я собственными глазами читалъ подлинное предписаніе отъ 1826 года генераль-губер-

натора Лавинскаго, находившагося въ Петербургѣ, иркутскому губернатору Цейдлеру; въ этой бумагѣ Лавинскій сообщалъ о предстоящемъ прїѣздѣ въ Иркутскъ двухъ женъ декабристовъ, Нарышкиной и Энтальцевой для слѣдованія за мужьями, и предписывалъ ему употреблять всевозможныя мѣры, чтобы убѣдить отказаться этихъ дамъ отъ ихъ намѣренія; для этого онъ совѣтовалъ сначала дѣйствовать законными убѣжденіями, представляя путешественницамъ, что, вернувшись обратно въ Россію, онѣ сохраняютъ свои имущественныя и словесныя права, а не слѣдуютъ безправными женами каторжниковъ; въ случаѣ же, если бы Цейдлеръ уговариваніемъ не могъ достигнуть цѣли, то ему предписывалось перемѣнить ласковый тонъ на рѣзкій, пробовать дѣйствовать устрашеніемъ и особенно не скупиться на преувеличенныя и самыя черныя краски, изображая, что значить осеннее путешествіе по Байкалу, когда осенніе вѣтры зачастую носятъ парусныя суда цѣлый мѣсяцъ по озеру, не позволяя пристать къ берегамъ, и когда экипажъ рискуетъ погибнуть отъ голода и холода. Генераль-губернаторъ давалъ самыя подробныя указанія, какъ запугать двухъ слабыхъ женщинъ въ дикомъ краю, и я очень жалѣю, что не имѣлъ возможности снять копію съ этого любопытнаго предписанія и привести его въ подлинныхъ выраженіяхъ; оно бы самымъ документальнымъ образомъ доказало, что Некрасовъ, приводя діалогъ между княгиней Трубецкой и губернаторомъ въ Иркутскъ, не выдумалъ его отъ себя и былъ безусловно правъ съ точки зрѣнія исторической правды, вложивъ въ уста губернатора замѣчательныя слова:

Простите! да, я мучилъ васъ
И мучился я самъ,
Но строгій я имѣлъ приказъ
Преграды ставить вамъ!
И развѣ ихъ не ставилъ я?

Я дѣлалъ все, что могъ.
Предъ судомъ душа моя
Чиста, свидѣтель—Богъ!

Правъ онъ точно также, говоря отъ лица Волконской:

Въ Иркутскѣ продѣлали то же со мной,
такъ Чѣмъ Трубецкую терзали...

ибо всѣ эти самоотверженныя женщины должны были пройти черезъ сказанныя терзанія, когда высшая мѣстная власть, пользуясь ихъ беззащитностію въ дикомъ краѣ и незнакомствомъ съ нимъ, старалась всячески нагнать на нихъ ужасъ описаніемъ опасностей ихъ дальнѣйшей поѣздки и участи, ожидающей ихъ въ рудникахъ. Но ни одна изъ нихъ не дрогнула и не позволила отклонить себя отъ своего намѣренія. Сквозь тысячи преградъ натуральныхъ и искусственныхъ всѣ онѣ добрались до мужей, безропотно исполняли свою миссію ангеловъ-хранителей и умерли, обожаемыя всѣми близко ихъ знавшими, хотя, увы! до сихъ поръ недостаточно оцѣненные потомствомъ.

Бьлоголовѣй.

Въ Благодатскѣ вслѣдъ за мужьями прибыли княгини Волконская и Трубецкая. Прибытіе ихъ благотѣтельно подѣйствовало на всѣхъ: съ ними образовалась семья. При ихъ участіи началась и укрѣпилась связь съ покинутыми родными и близкими сердцу посредствомъ извѣстій и тайной переписки; своими руками онѣ шили все, что находили необходимымъ для каждаго изъ шести чужихъ; онѣ же выдумывали и приносили въ тюрьму импровизованныя блюда (когда и „недопеченный хлѣбъ казался вкуснѣе лучшаго произведенія перваго петербургскаго булочника“); онѣ же хлопотливо закупали все, что нужно было товарищамъ. „Но какъ исчислить все то, чѣмъ мы имъ обязаны въ продолженіе столькихъ лѣтъ, которые ими были посвящены

попеченіямъ о своихъ мужьяхъ, — а вмѣстѣ съ ними и объ насъ? — словомъ, здѣсь въ Благодатскомъ рудникѣ, эти первыя „высокія по сердцу и по характеру“ русскія женщины начали первые шаги къ той великой миссіи служенія, которая, въ лицѣ ихъ, обнаружила неисчерпаемое богатство русской женской природы, способной на человѣколюбіе и помощь до жертвы, на любовь до самоотверженія. Въ лицѣ ихъ русскія женщины имѣютъ наилучшихъ представительницъ; душевные ихъ качества достигли въ нихъ до апогея. Въ дни и часы, дозволенные для свиданій, онѣ присутствіемъ своимъ оживляли тѣсныя и душныя влѣтки; въ другіе свободные часы имъ выносили два стула на улицу; онѣ садились противъ единственнаго окна и проводили часъ и болѣе въ нѣмой бесѣдѣ съ мужьями. Однажды одна изъ нихъ (Ев. Ив. Трубецкая) пришла на свиданіе съ мужемъ въ изношенныхъ и стертыхъ ботинкахъ и въ трескучій морозъ зазнобила ноги оттого, что изъ новыхъ и теплыхъ ботинокъ она сшила одному изъ товарищей мужа шапочку для головы, снабдивъ уже таковою мужа, чтобы уберечь волосы отъ руды, которая сыпалась при каждомъ сотрясеніи горы ударами молотомъ.

Оба эти явленія, поучительныя въ жизни нашихъ ссыльныхъ, — и высокая миссія женщинъ, поднимавшая нравственныя силы изгнанниковъ, и организація внутренней общины съ артельнымъ началомъ, вполне обеспечившая матеріальный бытъ, — съ наибольшею полнотою и въ совершенной законченности обнаружили позже на все то время, когда всѣ товарищи соединены были вмѣстѣ, сначала въ Читѣ, потомъ въ Петровскомъ заводѣ.

Жены эти совершали тѣ евангельскіе подвиги, подобіе которымъ мало представляютъ европейскія исторіи. Если за семью женихами не поѣхали въ Сибирь уже обрученныя съ ними невѣсты; если къ восьми

другимъ не поѣхали жены и даже нѣкоторыя вступили въ бракъ, то зато тѣ, которыя' выстрадали себѣ право сожителства въ Сибири, вступили на стезю высокихъ христіанскихъ подвиговъ и служеніемъ своимъ заслужили то прозваніе ангеловъ - хранителей, которое сдѣлалось для нихъ общимъ у всѣхъ союзниковъ. Уже въ 1829 году Александръ Ивановичъ Одоевскій писалъ въ альбомѣ княгинѣ М. Н. Волконской (въ день ея рожденія 25 декабря) стихи, представляющіе въ поэтической картинѣ подвигъ этихъ женщинъ и въ одинаковой степени относящіеся ко всѣмъ дамамъ безразлично.

Быль край слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душень былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.
Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли,
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены.
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явились какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.
И каждый день садились у ограды
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта,
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрыва своего.

Такимъ образомъ, въ Читѣ семь женщинъ несли на себѣ тяжелый крестъ, добровольно ими на себя принятый и являлись на помощь вездѣ тамъ, гдѣ видѣли

на другой сторонѣ несостоятельность силъ, гдѣ замѣчали какія-либо уклоненія въ сторону отъ согласно налаженнаго пути, гдѣ предчувствіями предполагали необходимость участія или содѣйствія.

Максимовъ.

Мѣры правительства, направленныя къ удержанію женъ декабристовъ на родинѣ, и юридическое ихъ положеіе въ Сибири.

„Уставъ о ссыльныхъ“ 1822 года опредѣлялъ положеніе женъ ссыльно-каторжныхъ въ слѣдующихъ статьяхъ: „Ст. 222. Женщины, идущія по собственной волѣ, во все время слѣдованія, не должны быть отдѣляемы отъ мужей и не подлежатъ строгости надзора. Они получаютъ кормовыя деньги. Ст. 231. Женщины, по собственной волѣ пришедшія, въ случаѣ смерти мужей, имѣютъ свободу вступать въ бракъ, съ кѣмъ пожелаютъ, и съ вѣдома мѣстнаго начальства остановиться тамъ, гдѣ признаютъ за лучшее, или возвратиться къ своимъ родственникамъ безъ всякаго препятствія. Ст. 232. Женщинамъ, по собственной волѣ пришедшимъ, Тобольскій Приказъ о ссыльныхъ выдаетъ особливые письменные виды“.

Эти статьи показались недостаточными, и „въ 1826 г., говоритъ кратко и глухо официальная бумага, вскорѣ по отправленіи государственныхъ преступниковъ въ Сибирь, когда послѣдовала тѣда жена Трубецкого, признано было нужнымъ принять мѣры къ отклоненію отъ сего намѣренія женъ прочихъ подобныхъ Трубецкому преступниковъ“. Выработка правилъ, которыя достигли бы цѣли, была поручена особому комитету, учрежденному для составленія правилъ о содержаніи государственныхъ преступниковъ въ Сибири. Такъ какъ комитетъ долженъ былъ считаться съ дѣйствующимъ законодательствомъ, которое въ данномъ случаѣ оказалось недостаточнымъ,

то онъ избралъ слѣдующій образъ дѣйствій: комитетъ поручилъ своему члену генераль-губернатору восточной Сибири, тайному совѣтнику Лавинскому „дать отъ себя предписаніе, на законномъ основаніи составленное, Иркутскому гражданскому губернатору“. Но такъ какъ это предписаніе вышло за предѣлы дѣйствующаго закона, то предварительно начальникъ штаба Его Величества Дибичъ представилъ на усмотрѣніе Императора Николая Павловича. Предписаніе было Высочайше одобрено и отправлено по адресу отъ имени Лавинскаго. Такимъ образомъ, одобренное Государемъ, оно приобрѣтало силу закона, но оно не было объявлено и осталось подъ секретомъ — это, во-первыхъ, а во-вторыхъ, о Высочайшемъ одобреніи не было упомянуто въ текстѣ самой бумаги. Это предписаніе, которое явилось главнымъ руководствомъ въ отношеніяхъ мѣстныхъ властей къ женамъ декабристовъ, до сихъ поръ не было опубликовано; а между тѣмъ этотъ своеобразный законодательный документъ представляетъ по своему содержанію значительный историческій интересъ и весьма важенъ для характеристики истиннаго положенія высшей власти въ вопросѣ о женахъ декабристовъ. Но этотъ документъ нѣсколько неожиданно получаетъ и другое значеніе: онъ даетъ матеріалы для характеристики поэтического творчества Н. А. Некрасова. При своемъ появленіи поэма „Русскія женщины“ вызвала обличенія автора въ тенденціозномъ преувеличеніи страданій княгини Е. И. Трубецкой и кн. М. Н. Волконской. Придирчивая критика указывала на то, что Некрасовъ совершенно измыслилъ знаменитый діалогъ между кн. Трубецкой и губернаторомъ. Читатель помнитъ тѣ убѣжденія, съ которыми обращается въ поэмѣ губернаторъ къ несчастной княгинѣ. Въ рѣзкихъ стихахъ губернаторъ рисуетъ опасности, которыя ждутъ княгиню.

.Но хорошо ль извѣстно вамъ,
Что ожидаетъ васъ?